

Иванова Евгения Александровна

учитель

МБОУ «Гимназия №1»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЦИФРОВАЯ ПАМЯТЬ ЖАНРА: ЭПИСТОЛЯРНЫЙ СТИЛЬ В ЭПОХУ МЕССЕНДЖЕРОВ

***Аннотация:** в статье рассматривается трансформация эпистолярного стиля как вида речевой культуры в условиях замещения традиционного письма электронными сообщениями, передаваемыми через системы мгновенного обмена сообщениями, именуемые мессенджерами. Автор анализирует изменения жанровых, стилистических и правовых характеристик письменной коммуникации, а также влияние законодательства в сфере информации и архивного дела на сохранение эпистолярного наследия в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется феномену «цифровой памяти жанра» – способности эпистолярного стиля сохранять инвариантные формальные признаки несмотря на смену материального носителя и условий обмена корреспонденцией.*

***Ключевые слова:** эпистолярный стиль, цифровая память жанра, мессенджеры, письменная коммуникация, правовой режим электронных сообщений, информационные системы, синхронная и асинхронная связь, жанровая трансформация.*

Эпистолярный стиль, исторически сложившийся как форма личной, служебной и публичной письменной речи, на протяжении нескольких столетий определялся свойствами материального носителя – бумаги, рукописного или машинописного текста, конверта, почтовой отправки. С наступлением цифровой эпохи указанные атрибуты утратили свое доминирующее значение. Переписка осуществлялась через системы мгновенного обмена сообщениями – программные платформы, обеспечивающие передачу текста, графических символов, аудио- и видеoinформации в режиме, приближенном к синхронному. Указанные обстоятельства породили в лингвистике, коммуникативистике и правовой науке вопрос

о судьбе эпистолярного стиля: исчезает ли он как самостоятельное жанровое образование или адаптируется к новым технологическим условиям, сохраняя свою родовую сущность.

Понятие «цифровая память жанра» вводится автором для обозначения способности жанра удерживать свои системообразующие признаки при смене коммуникативного канала и материальной основы записи. В применении к эпистолярной традиции такая память выражается в сохранении адресности, датировки, интимно-обращенного характера речи, а также в необходимости соблюдения определенного этикетного оформления. В то же время мессенджеры навязывают эпистолярному стилю новые свойства: фрагментарность, сжатость грамматических конструкций, замещение пунктуации графическими сверхсегментными средствами, а также правовую неопределенность статуса переписки как документа [1].

Для понимания степени деформации эпистолярного стиля необходимо определить его инвариантные черты, сформированные к середине двадцатого века. К таковым традиционно относят: наличие отправителя и получателя с указанием их социальных ролей, воспроизводимую в тексте пространственно-временную дистанцию, особую композицию, включающую обращение, основную часть и подпись с датой. Эпистолярный стиль допускал непринужденность синтаксиса, но требовал осмысленного членения текста на абзацы и идеографического оформления границ предложений с помощью знаков препинания. Немаловажным атрибутом являлась также материальная форма – рукопись или машинопись, конверт, почтовые отметки, придававшие переписке качество документальной подлинности. В Российской Федерации долгое время переписка на бумажном носителе признавалась одним из видов доказывания в гражданском процессе в случае надлежащего оформления – наличия даты, подписи отправителя и почтовых реквизитов. Эпистолярный стиль в его классическом понимании выполнял не только коммуникативную, но и мемориальную функцию: переписка подлежала хранению, перечитыванию, передаче в архивы. Именно это свойство – способность к неактуализированному сохранению – составляло основу «памяти жанра».

Переход от бумажного письма к сообщениям в мессенджерах сопровождался коренным изменением темпорального режима общения. Классическое письмо было сугубо асинхронным: разрыв между написанием, отправкой и получением мог составлять дни и недели. Эпистолярный стиль выработал специальные речевые формы для обозначения этой асинхронности (например, «давно не писал вам, но вот наконец собрался с мыслями»). Мессенджеры, напротив, навязывают пользователю режим «немедленного ответа» или, по крайней мере, ожидания такового. Техническая возможность обмена короткими репликами с задержкой в доли секунды породила гибридное образование – письменно-разговорную речь [2].

Указанное обстоятельство привело к размыванию граней между эпистолярным стилем и диалогической устной речью. В мессенджерах наблюдаются такие явления, как намеренное искажение орфографии для передачи интонации (написание слов слитно или, напротив, разделение их на части), опущение знаков препинания как избыточных, использование заглавных букв для обозначения громкости речи (крик). Эти черты несвойственны классическому эпистолярному стилю, однако именно они начинают восприниматься частью пользователей как новая эпистолярная норма. Тем не менее «цифровая память жанра» сопротивляется полному распаду формы. В переписке через мессенджеры сохраняется обязательное указание на отправителя (как правило, технически подставляемое системой в виде имени учетной записи), возможность установить дату и время отправления каждого сообщения с точностью до секунды, а также функция цитирования предшествующих сообщений, что отдаленно напоминает классическую структуру письма-ответа. Более того, в некоторых случаях пользователи намеренно воспроизводят элементы традиционного письма – начинают длинное сообщение с обращения, завершают его подписью или эмодзи, выполняющим функцию графического эквивалента подписи [3].

Анализ корпусов текстов, генерируемых в мессенджерах, позволяет выявить несколько устойчивых тенденций. Первая тенденция – синтаксическая парцелляция: сознательное дробление фразы на несколько коротких сообщений, каждое из

которых отправляется отдельно. Если в традиционном письме парцелляция была маргинальным художественным приемом, то в цифровой переписке она становится нормой, отражающей потребность в управлении темпом диалога. Вторая тенденция – редукция орфографического контроля. Пользователи мессенджеров допускают сокращения слов, отсутствие заглавных букв, игнорирование правил переноса, что ранее было недопустимо в любом виде эпистолярного текста, за исключением черновиков. Третья тенденция касается пунктуации. В классическом эпистолярном стиле пунктуационные знаки служили средством структурной организации текста и передачи синтаксических отношений. В мессенджерах нередки случаи полного отсутствия знаков препинания, либо, напротив, их гипертрофированное использование (многоточия, многократные восклицательные знаки) для передачи эмоционального состояния. Точка в конце сообщения начинает восприниматься как маркер агрессии или официальной отстраненности, что полностью противоречит ее семиотической функции в традиционной письменной речи.

Вместе с тем «цифровая память жанра» проявляет себя на уровне макроструктуры. При необходимости изложить сложное содержание – передать инструкцию, юридически значимое заявление, поздравление с определенными реквизитами – пользователь мессенджера спонтанно переходит к развернутому монологическому сообщению, которое структурно воспроизводит классическое письмо: обращение, информационная часть, заключительная формула вежливости, указание даты и имени. Таким образом, мессенджер не уничтожает эпистолярный стиль, но порождает его ситуативную актуализацию: в режиме бытового общения стиль редуцируется до телеграфного, но при переходе к официальному или личностно значимому содержанию эпистолярная форма восстанавливается [4].

Важнейшим аспектом функционирования эпистолярного стиля в мессенджерах является его правовое признание, а также возможность сохранения переписки как документа, обладающего доказательственной силой, культурной и исторической ценностью. Согласно Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданскому кодексу

Российской Федерации, электронное сообщение может признаваться письменной формой сделки или доказательством в суде при условии, что оно подписано электронной подписью или иным способом, позволяющим достоверно установить отправителя. Однако большинство мессенджеров не обеспечивают юридически значимой аутентификации пользователей, а скриншот переписки или выгрузка журнала сообщений не являются бесспорными доказательствами, поскольку могут быть фальсифицированы.

Здесь возникает противоречие: эпистолярный стиль в его классическом понимании предполагал подлинность рукописи (почерк, бумага, чернила были уникальными идентификаторами отправителя). В цифровой среде эта подлинность подменяется технической аутентификацией через учетные записи и серверы. Отсутствие унифицированного правового режима для сообщений в мессенджерах приводит к тому, что значительная часть современной эпистолярной культуры не подлежит введению в архивный оборот. Государственные архивы не принимают на хранение распечатки переписок из мессенджеров, если они не заверены нотариально в порядке обеспечения доказательств. Тем не менее «цифровая память жанра» работает и на институциональном уровне. Даже при отсутствии официального признания пользователи и организации вырабатывают правила документирования переписки: создаются архивы сообщений в облачных хранилищах, вводятся корпоративные стандарты оформления значимых сообщений (обязательное указание даты, места нахождения отправителя, использование штампов внутренней электронной подписи). Эти практики свидетельствуют о том, что эпистолярный стиль не исчезает, а переходит в новую – гибридную – форму существования, где формальные признаки письма удерживаются за счет добровольного соблюдения традиции, а не материальной необходимости [5].

Особого внимания заслуживает феномен «цифрового завещания» – переписки в мессенджерах, которая после смерти пользователя приобретает для его близких значение документального свидетельства. В таких случаях родственники инициируют процедуру получения доступа к учетной записи умершего, и его сообщения начинают восприниматься как эпистолярное наследие, аналогичное со-

бранию писем девятнадцатого века. Следовательно, социокультурная потребность в сохранении переписки как памяти о личности оказывается сильнее технологических ограничений, и эпистолярный стиль продолжает функционировать в цифре именно в силу своей мемориальной функции.

Таким образом, цифровая эпоха не отменяет эпистолярный стиль, но заставляет его переопределить свои границы. Память жанра оказывается сильнее технологического детерминизма, и эпистолярная форма сохраняется там, где коммуникативная задача требует фиксации обращенного слова во времени и пространстве. Мессенджеры становятся лишь одним из каналов реализации этой многовековой культурной практики, а не ее могильщиком.

Список литературы

1. Косорукова А.А. Этика мессенджеров: проблемы эпистолярного общения в контексте развития информационных технологий / А.А. Косорукова // Гуманитарный вестник. – 2018. – №9 (71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-messendzherov-problemy-epistoljarnogo-obscheniya-v-kontekste-razvitiya-informatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения: 24.04.2026).
2. Иванова С.П. SMS как современный эпистолярный жанр / С.П. Иванова, Е.А. Евстифеева // Юный ученый. – 2021. – №6.1 (47.1). – С. 16–17.
3. Багиева З.Н. Эпистолярный жанр в русской литературе / З.Н. Багиева // Актуальные исследования. – 2020. – №2 (5). – С. 26–28. – URL: <https://apni.ru/article/287-epistoljarnij-zhanr-v-russkoj-literature>. EDN ATWVLZ
4. Груммо Е.Н. Своеобразие функционирования эпистолярного жанра в современной коммуникации / Е.Н. Груммо // Международный школьный научный вестник. – 2019. – №4–2. – URL: <https://school-herald.ru/ru/article/view?id=1125> (дата обращения: 24.04.2026).
5. Соловьев Д.Н. Медийная аскетика как феномен цифровой культуры / Д.Н. Соловьев, П.Э. Белоус // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2014. – №2. – С. 77–91. EDN TENWUV